

Орнитология, 2006, Т. 33, с. 212–216

Зимние встречи канюка на юго-западе Подмосковья

Winter records of the Common Buzzard (Buteo buteo) in the south-west of the Moscow Region

Популяции **канюка** (*Buteo buteo*), занимающие в период размножения территорию от западных границ России (кроме Калининградской обл.) до бассейна правых притоков Енисея в пределах лесной полосы, относят к подвиду *B. b. vulpinus* (Gloger, 1833). Считается, что большинство этих птиц зимует в юго-восточных и южных областях Африки, некоторые, по всей видимости, — в Южной Европе, Северной Африке и Юго-Западной Азии. Канюки номинативного подвида, распространение которого в гнездовой период ограничивается западной частью Европы на восток до Швеции, Польши и Балкан, в большинстве своем либо оседлы, либо мигрируют в её же пределах. Полоса шириной до 400 км от Шведской Лапландии и Финляндии до Румынии считается зоной вторичной ин-

терградации между *B. b. buteo* (L., 1758) и *B. b. vulpinus*. Птиц, населяющих Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Северный Иран и, вероятно, часть Малой Азии, относят к подвиду *B. b. menetriesi* Bogdanov, 1879. Они зимуют в основном в пределах гнездового ареала (Дементьев, 1951; Мелде, 1982; Snow, Perrins, 1998; Степанян, 2003; Гричик, 2005). Насколько можно судить по этим данным, северная граница зимнего ареала канюка в Европе вплоть до самого недавнего времени определялась «на западе» распространением номинативного подвида (и, вероятно, птиц из зоны его интерградации с *B. b. vulpinus*), а «на востоке» — *B. b. menetriesi*. Она пересекала Южную Швецию примерно на широте Стокгольма, от Рижского залива практически по границе между Эстонией и Латвией шла на восток и юго-восток, затем по границе между Латвией и Псковской обл. — на юг, по западным районам Белоруссии — сначала (в 550–600 км западнее Москвы) на юго-запад, потом почти на юг, а на северо-западе Украины поворачивала на юго-восток и через Винницу, Запорожье и Таганрогский залив Азовского моря протягивалась в направлении Махачкалы (Snow, Perrins, 1998). О зимних встречах *B. b. vulpinus* в европейской части СССР Г.П. Дементьев (1951) упоминал как об исключении. В центральных областях европейской части России, включая Московскую (Птушенко, Иноземцев, 1968; Самойлов, 1987), в последней трети XIX и на протяжении большей части XX вв. весной первые канюки появлялись не раньше конца марта, а осенью последние исчезали как правило до конца I декады октября. Встречи, соответственно, до и после этих сроков были очень редки (Морозов, в печати). При этом лишь П.П. Сушкин (1892) в сводке по птицам Тульской губернии с определенностью высказался в том смысле, что значительные задержки отлёта отдельных особей (в 1889 г. — почти до конца декабря) связаны с малоснежностью зим и высокой численностью мышевидных грызунов.

Наше сообщение основано на результатах наблюдений в окрестностях биостанции «Малинки» ИПЭЭ РАН (55°27' с.ш., 37°11' в.д.) на границе Наро-Фоминского и Подольского р-нов Московской обл., примерно в 25 км юго-западнее окраины Москвы и 7 км западнее-юго-западнее г. Троицка. Канюк в этом месте является обычным гнездящимся видом. Местность в радиусе 3 км от биостанции на три четверти покрыта лесом, большей частью высокоствольным, верхний ярус древостоя образован главным образом берёзой, елью и сосной в разных соотношениях, вдоль маленьких речек тянутся черноольшаники. Остальное — преимущественно поля, в том числе так называемые Дыбинское и Борисовское, расположенные в 1.5 км друг от друга. Площадь первого составляет 2.0 км², максимальная протяженность по прямой — 4.6 км, диаметр самой большой окружности, которую можно вписать в его периметр — примерно 950 м. Соответствующие параметры Борисовского поля — примерно 1.5 км², 2.4 км и 830 м (измерения произведены по космическому снимку масштаба 1:32000; узкие полосы древесной растительности, делящие эти поля соответственно на 3 и 2 фрагмента, не учитывались). Посреди расширения Дыбинского поля и в двух его противоположных концах располагаются дачные поселки, на Борисовском — хутор с пасекой. Судя по данным А.А. Ефремова (личн. сообщ.) и последнего из соавторов о расположении гнездовых территорий и жилых гнёзд канюков около Дыбинского поля за 1988–1992, 1995, 2001–2005 гг. и около Борисовского поля за 1995, 2001–2003 гг., в весенне-летний период на этих полях обычно держатся разные пары. Не было никаких оснований предполагать, что гнездовая территория какой-либо пары охватывала участки обоих полей. Более того, в некоторые годы каждое из этих полей (вместе с примыкающим лесом) было поделено между двумя разными парами.

С 27.10 по 7.11.2004 г. мы дважды наблюдали двух или трёх канюков: в первый день на Дыбинском поле, где держался также один зимняк (*B. lagopus*), и 6.11 на Борисовском поле. Одиночный канюк отмечен 7.11 над лесом между этими полями. Между 28.10 и 5.11 наблюдений на полях и непосредственно рядом с ними не проводили. Во время следующего посещения данного места 17.12.2004 г. в районе Дыбинского поля вновь встречены 2 канюка и зимняк, а 18.12 на Борисовском поле — канюк и зимняк. При проведении в окрестностях биостанции 5.12.2004 г. и 23.01.2005 г. участниками программы «Parus» маршрутных учётов птиц канюк отмечен не был (Е.С. Преображенская, личн. сообщ.). Наконец, два державшихся вместе и одиночная особь канюка отмечены

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

нами на Дыбинском и Борисовском полях, соответственно, 15 и 16.03.2005 г. Кроме того, Е.А. Кузнецов (личн. сообщ.) 6.02.2005 г. наблюдал одиночного канюка примерно в 15 км северо-восточнее биостанции «Малинки» — у пос. Десна в Ленинском р-не. Дата следующей в 2005 г. встречи канюка в последней точке — 22.03 (Д.В. Анзигитов, личн. сообщ.) — явно отклоняется от привычных сроков появления вида в Подмоскowie. Заметим, что до 2004 г. мы дважды отмечали канюка в окрестностях биостанции «Малинки» в необычно поздние сроки: двух птиц 21–22.10.2000 г. рядом с Дыбинским полем и одну 23.10.2002 г. у д. Поляны. Возле пос. Десна прежде также имели место очень поздняя (14.11.2001 г.) и ранняя (10.03.2002 г.) встречи одиночных птиц (Д.В. Анзигитов, личн. сообщ.).

За время наших наблюдений у биостанции «Малинки» в конце 2004 г. и в середине марта 2005 г. ничто в поведении канюков не давало повода считать, что это были кочующие или мигрирующие особи, задержавшиеся здесь лишь на короткое время. Даже после вспугивания они продолжали держаться на небольших по площади участках (на обоих полях — преимущественно в пределах примерно 1 км²), на которых их заметили в первый раз и обнаруживали при всех последующих посещениях: летали на сравнительно небольших высотах, усаживались на деревья, растущие на опушках и среди полей, залетали в лес. Их крики мы слышали только в конце октября и начале ноября. Наблюдая за канюками в течение 3 ч подряд 15.03, видели, как на краю поля одна из птиц попыталась в низком скользящем полёте поймать бежавшую по снегу полевку, другая птица при этом летела за первой на несколько большей высоте, затем обе скрылись в лесу. Гнездо весной 2005 г. было устроено примерно в 350 м от этого места. Во время всех трёх посещений района биостанции на Дыбинском и Борисовском полях наблюдения вели в разные дни. Поэтому мы лишь предполагаем, что на этих полях держались разные птицы (пары?), а не одни и те же две широко перемещавшиеся особи. Вероятнее всего, они провели всю зиму 2004/2005 г. в этом районе, хотя можно предложить и другие объяснения, например, что канюки задержались здесь до II декады декабря включительно и затем исчезли, а встречи в середине марта — следствие очень раннего прилёта тех же или других особей.

Осенью 2004 г. общая численность мелких млекопитающих в окрестностях биостанции «Малинки» была высокой, хотя предпочитаемый канюком кормовой объект — виды-двойники обыкновенной полевки (*Microtus arvalis* и *M. levis*) — в выловах отсутствовал. По данным отлова 10–12.10 выставленными в линию плашками Геро, на Дыбинском поле индекс плотности составил 9 зверьков на 100 ловушко-суток: за 3 суток 25 плашками отловлены 7 тёмных полевков (*Microtus agrestis*), а в ельнике и пойменном черноольшанике в среднем — 13 зверьков на 100 ловушко-суток: за 3 суток 50 плашками, по 25 в каждом биотопе, отловлены 16 рыжих полевков (*Clethrionomys glareolus*), 3 малых лесных (*Apodemus uralensis*) и 1 желтогорлая мыши (*A. flavicollis*). В 100 км к северо-востоку, в окрестностях г. Черноголовки Ногинского р-на, где проводятся более интенсивные учётные работы мелких млекопитающих, в первой половине сентября индекс плотности в среднем для всех типов биотопов составлял 24.7 ($n = 222$ зверька), а в биотопах лугового типа — 21.7 зверька ($n = 113$) на 100 ловушко-суток. В целом преобладали рыжая полевка и малая лесная мышь (65% от общего числа зверьков), а в биотопах лугового типа — полевки рода *Microtus* (49%) (Г.Н. Тихонова и И.А. Тихонов, личн. сообщ.). Средняя температура воздуха в октябре и декабре 2004 г. превысила норму соответственно на 0.8 и 3.2°C, преобладала положительная аномалия средней суточной температуры. Ноябрь в целом был на 0.4°C холоднее обычного, причем его первая половина выдалась теплой (положительные аномалии средних суточных температур составляли от 2 до 7°C), а вторая — устойчиво холодной (17–30.11 отрицательная аномалия температуры достигала 12°C). В конце II декады установился снежный покров глубиной 5–17 см, к концу месяца увеличившийся до 14–25 см. В декабре снежный покров сохранялся, несмотря на резкое потепление в самом начале месяца и последующие частые оттепели. Январь 2005 г. был аномально теплым. В первой половине месяца 5 раз перекрывались абсолютные максимумы температур, самую высокую (+5.2°C) зафиксировали днем 9.01. Средняя месячная температура превысила норму на 6.3°C. Лишь последняя пятидневка оказалась на 2–6°C холоднее обычного.

Средние месячные температуры февраля и марта были ниже нормы, соответственно, на 1.2 и 3.8°C, преобладала отрицательная аномалия среднесуточной температуры, оба месяца оказались многоснежными. В середине марта глубина снежного покрова на Дыбинском и Борисовском полях, по нашим измерениям, варьировала от 40 до 75 см (15 измерений), в лесу — от 40 до 60 см (10 измерений). В III декаде марта в Москве и Подмоскovie снежный покров был ещё сравнительно глубоким, в большинстве мест, где проводились измерения — 34–51 (от 22 до 66) см. Апрель 2005 г. оказался на 1.3°C теплее обычного, снежный покров в I декаде сохранялся, но интенсивно таял и в конце её отмечался лишь местами. (Сведения о погоде в Москве и Подмоскovie взяты нами из очерков, ежемесячно публикуемых в журнале «Метеорология и гидрология» (например, Васильев и др., 2005). Оценки температурных условий, которые там приводятся для этого региона, основаны преимущественно на данных метеостанции ВВЦ в Москве.)

Осенью 2005 г. на Борисовском поле одиночного канюка 15 и 23.10 видели, причём в первый день одновременно с зимняком, один из авторов и В.Г. Бабенко (личн. сообщ.), соответственно. Наши многочасовые наблюдения на полях и в их окрестностях 30.11 и 1.12.2005 г. положительного результата не дали, но 7.01.2006 г. после 3 ч наблюдений над Дыбинским полем был замечен и хорошо рассмотрен канюк, который вскоре залетел в лес. В дальнейшем в ходе целенаправленных поисков в окрестностях биостанции 15 и 29.01, 13 и 19.02, 4, 15 и 25.03.2006 г. канюка мы не наблюдали ни разу. Зимняк в указанные даты между 30.11.2005 г. и 25.03.2006 г. нами не отмечен. Участники программы «Parus» в ходе учётов в окрестностях биостанции 25.12.2005 г. птиц этих видов не встречали, но 27.11.2005 г. и 28–29.01.2006 г. видели одиночного канюка, а в последние дни также и зимняка (Е.С. Преображенская, личн. сообщ.).

Осенью 2005 г. общая численность мелких млекопитающих была невысокой. По данным отлова 21–24.10, индекс плотности составил на Дыбинском поле 0 на 100 ловушко-суток (за 3 суток 25 плашками не было поймано ни одного зверька), в ельнике и пойменном черноольшанике в среднем 5.8 зверьков на 100 ловушко-суток (за 3 суток 40 плашками, по 20 в каждом биотопе, отловлены 4 рыжие полёвки и 3 малые лесные мыши). В окрестностях г. Черноголовки в первой половине сентября индекс плотности в среднем для всех типов биотопов составил 7.9 ($n = 65$ зверьков), а в биотопах лугового типа — 8.3 зверька ($n = 31$) на 100 ловушко-суток. В целом преобладали рыжая полёвка и малая лесная мышь (52% от общего количества зверьков), а в биотопах лугового типа — полёвки рода *Microtus* (58%; Г.Н. Тихонова и И.А. Тихонов, личн. сообщ.). Средняя температура воздуха в октябре, ноябре и декабре 2005 г. превысила норму соответственно на 0.9, 2.6 и 2.0°C, преобладала положительная аномалия средней суточной температуры. Вторая половина января и первая половина февраля 2006 г. выдались очень холодными. Средняя месячная температура первого была ниже нормы на 1.5°C, второго — на 5.6°C. Отрицательная аномалия средних суточных температур 18–20.01 достигала 17–19°C, в I декаде февраля — 16°C. В феврале преобладала отрицательная аномалия средней суточной температуры. Глубина снежного покрова в день встречи канюка 7.01, по нашим измерениям (10 в каждом биотопе), варьировала от 29 до 40 см на Дыбинском и Борисовском полях и от 14 до 28 см в лесу. В конце января в Московской обл. она составляла 28–45 см. Март 2006 г., кроме последних трёх дней, оказался холодным и многоснежным. Средняя месячная температура была на 1.5°C ниже нормы. По нашим измерениям, 25.03 на Дыбинском и Борисовском полях высота снежного покрова варьировала от 50 до 75 см, в лесу в окрестностях биостанции — от 50 до 60 см (примерно 15 измерений в каждом биотопе).

Таким образом, канюк в числе не менее 2 (вероятно, 3–4) особей не только остался зимовать в конце 2004 г. при высокой численности полёвок, но отмечался (пусть всего одна птица) также до конца января 2006 г., несмотря на невысокую численность грызунов осенью 2005 г. В последнем случае, по-видимому, птица пережила (как можно предположить на основании встреч 7 и 28–29.01.2006 г.) две волны холода (3–6 и 17–25.01), из которых вторая характеризовалась глубокими отрицательными аномалиями температуры воздуха. За последние 8 лет в Московской обл. и над Москвой канюков ещё около де-

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

сятка раз отмечали в ноябре и зимние месяцы, причём в разные годы и разных местах. Более того, довольно обычными стали встречи вида с конца II по V пятидневки марта и во II–III декадах октября (Морозов, *в печати*). С этими фактами согласуются изменения в датах первых весенних регистраций канюка в Калужской обл. (Марголин, 2000) и случаи зимних встреч в бассейне Верхнего Дона в последние годы (Климов и др., 2004). Поскольку в большинстве своем *B. b. vulpinus* являются дальними мигрантами, объяснение наметившейся тенденции к оседлости только пластичностью (в рамках «традиционной» нормы) реакции части особей на кормовые и погодные условия конкретных осенне-зимних сезонов не выглядит убедительным. Микроэволюционные процессы, обусловленные глобальным потеплением, могут быть не менее важной составляющей этих изменений. Подробнее данный вопрос обсуждается в отдельной работе (Морозов, *в печати*).

Организатор и куратор программы «Птицы Москвы и Подмосковья» М.В. Калякин и составитель базы данных О.В. Волцит предоставили всю имеющуюся информацию о встречах канюка в Москве и области за период с 1999 г. В.Г. Бабенко, А.А. Ефремов, Е.С. Преображенская и В.Ю. Семашко любезно сообщили о результатах наблюдений в окрестностях биостанции «Малинки», а Д.В. Анзигитов и Е.А. Кузнецов — у пос. Десна. Г.Н. Тихонова и И.А. Тихонов предоставили сведения о численности мелких млекопитающих в окрестностях г. Черноголовки. Правильность определения тёмных полёвок, неожиданно оказавшихся многочисленными в отловах на Дыбинском поле осенью 2004 г., была подтверждена И.Ю. Поповым. Авторы глубоко признательны всем перечисленным лицам. Исследования, в ходе которых собраны изложенные сведения, финансировались грантами РФФИ (№ 05-04-49620), программами поддержки ведущих научных школ, президиума РАН «Биоразнообразие» и «Происхождение и эволюция биосферы».

Литература

- Васильев Е.В., Гречица А.П., Найшуллер М.Г. 2005. Аномальные гидрометеорологические явления на территории Российской Федерации в январе 2005 г. — Метеорология и гидрология, 4: 117–122.
- Гричик В.В. 2005. Географическая изменчивость птиц Беларуси: таксономический анализ. Минск, 169 с.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы. — Птицы Советского Союза. Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков (ред.). Т. 1. М.: 70–341.
- Климов С.М., Сарычев В.С., Мельников М.В., Землянухин А.И. 2004. Фауна птиц бассейна Верхнего Дона. Неворобьиные. Липецк, 224 с.
- Марголин В.А. 2000. Птицы Калужской области. Ч. 1. Неворобьиные. Калуга, 336 с.
- Мелде М. 1982. Канюк — *Buteo buteo* (L.). — Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Хищные — журавлеобразные. М.: 74–92.
- Морозов Н.С. Изменение сроков миграции и зимние встречи канюка (*Buteo buteo*) в центре европейской части России: следствие глобального потепления? — Зоол. журн., 86 (*в печати*).
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М., 461 с.
- Самойлов Б.Л. 1987. Канюк (*Buteo buteo* L.). — Ильичев В.Д., Бутьев В.Т., Константинов В.М. Птицы Москвы и Подмосковья. М.: 35–37.
- Степанян Л.С. 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области). М., 808 с.
- Сушкин П.П. 1892. Птицы Тульской губернии. — Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоологический, 1: 1–105.
- Snow D.W., Perrins C.M. (eds.) 1998. The birds of the Western Palearctic. Concise edition. Vol. 1. Non-Passerines. Oxford–New-York, 1008 p.

Н.С. Морозов¹, Р.А. Захаров¹, А.В. Шариков²

¹ Ин-т проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Ленинский просп., 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: lsdc@genome.eimb.relarn.ru

² Кафедра зоологии и экологии, Московский педагогический государственный ун-т, ул. Кибальчича, 6, корп. 5, Москва, 129278, Россия; e-mail: russowls@mtu-net.ru

N.S. Morozov¹, R.A. Zakharov¹, A.V. Sharikov²

¹ A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky Prosp., 33, Moscow, 119071, Russia; e-mail: lsdc@genome.eimb.relarn.ru

² Department of Zoology and Ecology, Moscow State Pedagogical University, Kibalchicha Str., 6/5, Moscow, 129278, Russia; e-mail: russowls@mtu-net.ru